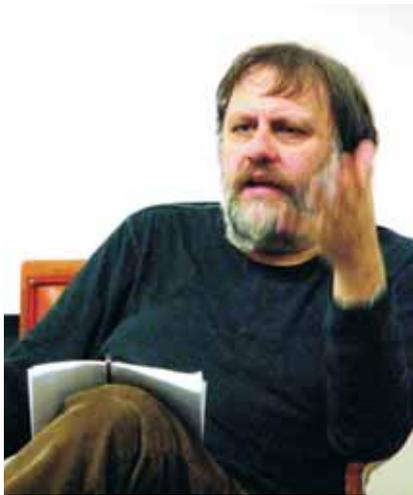

«Викиликс», или КОГДА СРЫВАТЬ МАСКИ — НАШ ДОЛГ

Славой Жижек

Славой Жижек — словенский философ и теоретик культуры, живет и работает в Любляне (Словения), президент люблянского Общества теоретического психоанализа и Института социальных исследований. Европейскую известность ему принесли работы «Все, что вы хотели знать о Лакане, но боялись спросить у Хичкока» (1982), «Существование с негативом» (1993), «Возлюби свой симптом» (1992), «13 опытов о Ленине» (2002), «Ирак: история про чайник» (2004), «Паралаксное видение» (2006), «В защиту проигранных дел» (2008), «Размышления в красном свете» (2010)

Как именно нам следует оценивать борьбу «Викиликс» и американской империи. Публикует ли «Викиликс» государственные секреты США, чтобы поддержать свободу информации и право людей знать правду? Или это теракт, представляющий угрозу стабильности информационных отношений? А что если это не настоящая борьба? Что если решающая идеологическая и политическая битва развернулась внутри самого

«Викиликс»: между радикальным шагом по публикации государственных секретов и тем, как этот шаг был заново вписан в гегемонистское идеолого-политическое поле в том числе и самим «Викиликсом».

Окончательная победа господствующей идеологии наступает тогда, когда она может позволить себе безжалостную самокритику (или ее видимость). Антикапиталистических движений нынче пруд пруди, более того, мы также видим, как со всех сторон нам живописуют ужасы капитализма: книги, газетные расследования и телепередачи клеймят компании, безжалостно загрязняющие окружающую среду, коррумпированных банкиров, которые продолжают получать жирные откаты, в то время как их банки выживают только за счет господдержки, жестокие предприятия, которые эксплуатируют детский труд и так далее.

Однако в этом потоке информации есть один нюанс: **критики (даже самые беспощадные), как правило, не ставят под сомнение демократически-либеральные основания борьбы с этими перегибами.** Их (явная или скрытая) цель — демократизировать капитализм, распространить демократический контроль на сферу экономики с помощью общественных СМИ, парламентских проверок, более жестких законов, честных полицейских расследований и тому подобное. Но при этом никто не усомнится в демократичности основания (буржуазного) правового государства. Оно остается священной коровой, которую не смеют тронуть даже самые радикальные формы этого «этического анти-капитализма» (форум в Порту-Алегре, сизеттское движение). А вопрос вот в чем: можно ли свести к этому «Викиликс»?

Ответ, разумеется, отрицатель-

ный: **в деятельности «Викиликс» с самого начала было нечто, что ушло далеко за рамки либерального вопроса о свободном потоке информации.** Не следует смотреть на эту крайность с точки зрения содержания. Единственное, что по-настоящему удивляет в разоблачениях «Викиликс» — это то, что ничего удивительного в них нет: разве мы узнали не *в точности* то, что ожидали? Всего-навсего были сорваны маски: мы больше не можем притворяться, что не знаем чего-то, когда все знают, что мы это знаем. Таков парадокс социального пространства: даже если некий факт известен всем, сказать о нем вслух — значит, все изменить. Если мы задумаемся о предшественниках «Викиликс», нам следует вспомнить, что одним из первых шагов нового большевистского правительства в 1918 году было широкое обнародование всех секретов царской дипломатии, всех тайных соглашений, всех тайных подпунктов общедоступных документов. Тогда, как и сейчас, удар наносился не только по упомянутым в этих документах, но и по всему госаппарату.

«Викиликс» на самом деле угрожает формальному режиму работы власти: глубинная логика дипломатической деятельности была в некотором смысле делегитимизирована. Истинный план был не в разоблачении грязных подробностей и конкретных виновников (которых, уж если на то пошло, со временем заменят другие) или, короче говоря, власть имущих, а власти как таковой, ее структуры. Не следует забывать, что власть включает в себя не только свои институты и законы, но также законные («обычные») способы спорить с

1. Giri S. Wikileaks Beyond Wikileaks — http://www.metamute.org/en/articles/wikileaks_beyond_wikileaks

ней (через независимую прессу, НПО и тому подобное). И, как точно сформулировал Сарой Гирри, активисты «Викиликс» «*бросили вызов власти, бросив вызов тем каналам, через которые обычно бросают вызов власти и раскрывают правду*»¹.

Разоблачения «Викиликс» не адресованы нам, гражданам, как неудовлетворенным личностям, изголодавшимся по грязным тайнам того, что творится за закрытыми дверями в коридорах власти. Их цель — не просто смутить власть имущих. **Разоблачения «Викиликс» приносят с собой призыв мобилизоваться на долгую борьбу за изменение функционирования власти, которое выходит далеко за границы представительной демократии.** Уолтер Липман, икона американской журналистики XX века, сыграл ключевую роль в самоосознании американской демократии. Он сформулировал концепцию «производства согласия», позднее приобретшую известность благодаря Науму Хомскому, однако у Липмана она имела положительный смысл. Для него, как и для Платона, общество было большим зверем или растерянным стадом; этим стадом должен управлять «специальный класс, чьи интересы не ограничиваются своими узкими классовыми интересами».

В словах Липмана нет ничего нового, одни очевидные факты. Загадка в другом: отчего, зная все это, мы продолжаем участвовать в игре. Мы живем так, как будто мы свободно и самостоятельно принимаем решения, не просто молчаливо принимая, но даже *требуя*, чтобы незримый приказ (вписанный в саму форму нашей свободы слова) подсказала нам, что делать и думать.

В этом смысле в демократической стране **каждый обычный гражданин, по сути, король, но король в рамках конституционной демократии, король, который принимает решения лишь формально, чье дело — подписывать меры, предложенные исполнительной властью.** Вот почему проблема демократических ритуалов родственна главной проблеме конституционной демократии: как

защитить достоинство короля? Как поддерживать видимость того, что король сам принимает решения, когда мы все прекрасно понимаем, что это не так?

То, что мы называем «кризисом демократии», случается не тогда, когда люди перестают верить в собственные силы, но, напротив, когда они перестают доверять элитам, тем, кому положено думать за них и выдавать директивы, когда они обеспокоены тем, что «(подлинный) трон пуст», что решения теперь *действительно* принимать им самим. Так в «свободных выборах» всегда есть момент вежливости: власть имущие из вежливости делают вид, что они не держат власть в своих руках, и предлагают нам самостоятельно решить, хотим ли мы отдать ее им — в этом есть зеркальное повторение жеста, не предполагающего согласие.

Ален Бадью предложил разделять коррупцию в демократии на два типа (или скорее уровня): фактическая эмпирическая коррупция и коррупция, которая связана с самой формой демократии, сводящей политику к балансированию между частными интересами. Разрыв между ними становится заметен в (к сожалению, редких) случаях, когда появляется честный «демократический» политик, который, сражаясь с эмпирической коррупцией, тем не менее, защищает формальную вотчину коррупции. (Безусловно, имеет место и противоположный случай эмпирически коррумпированного политика, который действует от имени диктатуры добродетели). В терминах Бенямина, различающего учрежденное и учреждающее насилие, это различие между «учрежденной» коррупцией (то есть эмпирическими примерами нарушения закона) и «учреждающей» коррупцией самой демократической формы правления.

Разоблачения «Викиликс» направлены не только на «учрежденную» коррупцию. По-настоящему они угрожают «учреждающей» коррупции, вписанной в саму форму многопартийной либеральной демократии, «представляющей» четкий взгляд на

общественную жизнь, в которой политика строится из партий; эти партии состязаются на выборах за место в законодательном и исполнительном аппарате и так далее. Тут не следует забывать о том, что эта «абстрактная рамка» никогда не бывает нейтральной; она отдает предпочтение определенным ценностям и методам.

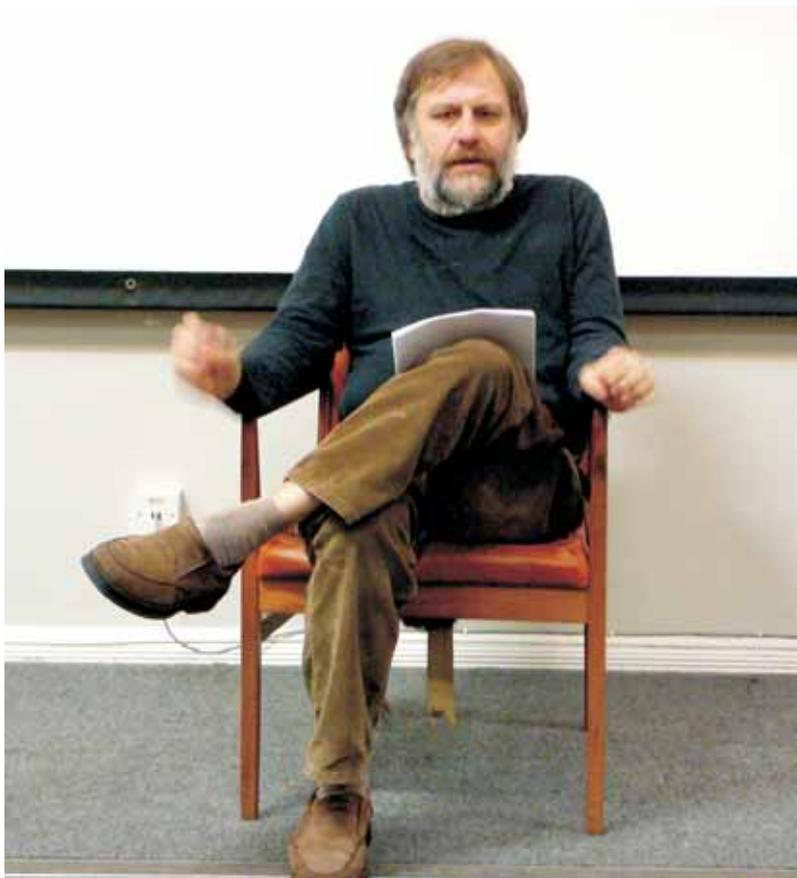
И это отсутствие нейтральности становится заметным во время кризиса или аполитичности, когда мы наблюдаем, как демократическая система не может определить, что на самом деле думают или хотят люди. Признак такой неспособности — аномальные феномены, наподобие выборов в Соединенном Королевстве в 2005 году: несмотря на спад популярности Тони Блэра (в рейтингах самых непопулярных людей в Королевстве он неизменно занимал первые строчки), это недовольство Блэром никак не могло найти политически правильное выражение. Что-то было явно не так. И дело было не в том, что «люди не знали, чего хотят», а скорее в том, что циничная покорность не позволила им действовать сообразно своим желаниям, а в результате получился странный разрыв между тем, что люди думают, и тем, что делают (то есть как голосуют). А ведь еще Платон, критикуя демократию, полностью осознал этот второй вид коррупции. И эта же критика хорошо видна в том, как якобинцы отдают предпочтение добродетели: в демократии в смысле представления многообразия отдельных интересов и согласия между ними, для добродетели места не найдется.

Нет причин презирать демократические выборы. Но важно понимать, что не существует показателя Истины как такого — как правило, он отражает преобладающую *доксу (общественное мнение)*, определяемую господствующей идеологией. Возьмем пример, с которым точно не будет разночтений: Франция в 1940 году. Даже Жак Дюкло, второй человек в Коммунистической Партии Франции, признавал в личной беседе, что в тот момент маршал Петен получил бы девять

носто процентов голосов, если бы в стране проводились свободные выборы. Когда де Голль совершил исторический поступок, отказавшись признать капитуляцию Франции и продолжив сопротивление, и заявил, что только он, а не режим Виши, говорит от имени настоящей Франции (от имени настоящей Франции как таковой, а не от имени «большинства французов!»), он говорил абсолютную правду, даже несмотря на то, что с «демократической точки зрения» это было мало того, что нелегитимно, но еще и шло вразрез с мнением большинства французов... Демократические выборы, отражающие Истину, все-таки *возможны* — это такие выборы, на которых (несмотря на скептически-циничную инерцию) большинство мгновенно «пробуждается от спячки» и голосует против господствующего идеологического мнения. Однако сам по себе **исключительный статус таких неожиданных результатов на выборах подтверждает, что выборы как таковые — это не средство отображения Истины.**

И все-таки есть контраргумент, силу которого не стоит перенедооценивать (как выразился Президент Буш). Нельзя думать, что, раскрыв всю тайную правду событий, происходящих за закрытыми дверями, все грязные подробности личной жизни и тому подобное, мы станем свободными. Истина освобождает, это действительно так, но не ЛЮБАЯ истина. Безусловно, не следует доверять фасаду обнародованных документов. Но также не стоит доверять и грязным подробностям личной жизни или изъяснам, которые стоят за официальным фасадом. Внешность, маска, носимая на публике, это не просто лицемерие, скрывающее грязные подробности. Эдгар Доктору как-то заметил, что внешность — это все, что у нас есть, поэтому и относится к ней надо очень осторожно. Нередко, уничтожив внешность, человек разрушает и то, что стояло за ней.

Однако все же данным контраргументом не следует злоупотреблять. **Бывают такие моменты**

— во времена кризиса господствующего дискурса, — когда стоит рискнуть и спровоцировать разрушение фасада. Один из таких моментов прекрасно описал молодой Маркс еще в 1843 году, когда в своей работе «К критике гегелевской философии права. Введение» распознает в упадке старого порядка в Германии в тридцатых — сороковых годах XIX века фарсовую репетицию трагического падения древнего режима во Франции: этот режим был трагичен «пока старый порядок сам верил, и должен был верить, в свою правомерность». Теперь же режим «лишь воображает, что верит в себя, и требует от мира, чтобы и тот воображал это. Если бы он действительно верил в свою собственную *сущность*, разве он стал бы ... искать своего спасения в лицемерии и софизмах? Современный *ancien regime* — скорее лишь *комедиант* такого миропорядка, *действительные герои* которого уже умерли»². В подобных ситуациях возможность опозорить власть имущих становится грозным оружием, или, как дальше пишет Маркс: «Сделать действительный гнет еще более гнетущим, присоеди-

няя к нему сознание гнета; позор — еще более позорным, разглашая его».

Именно так и выглядит наша сегодняшняя ситуация: **мы столкнулись с беззащитным цинизмом существующего мирового порядка, действующие лица которого только воображают, что верят в свои представления о демократии, правах человека и так далее.** И с помощью действий, подобных разоблачениям «Викиликс», позор (наш позор за то, что мы терпим власть над собой) становится еще более сильным оттого, что он обнародован. Когда Соединенные Штаты вторгаются в Ирак, чтобы принести секулярную демократию, а в результате получают усиление религиозных фундаменталистов и окрепший Иран, это вовсе не трагическая оплошность чистого душою героя, а расчет циничного плута, попавшего в ловушку собственной игры. ■

Специально для Ярославской инициативы

2. См. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение — http://krotov.info/libr_min/m/maistr/marx.html